

**НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА ПО ВНУТРЕННИМ И ВНЕШНИМ
ХАРАКТЕРИСТИКАМ В СОСТАВЕ ФРАГМЕНТОВ ЛЕКСИКО-
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД**
**NAMING A PERSON BY INWARD AND OUTWARD FEATURES
WITHIN FRAGMENTS OF FAMILIES OF WORDS**

А. В. Никитевич

A. V. Nikitevich

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Гродно, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno

Grodno, Belarus

e-mail: anikit@inbox.ru

В статье в номинативном аспекте с позиций когнитивной лингвистики рассматриваются диалектные наименования лица по внутренним и внешним характеристикам. На значительном по объему фактическом материале выявляются не только важнейшие структурно-семантические особенности производных единиц данной группы, но также обращается внимание на их роль в организации различных деривационных объединений, прежде всего многообразных по конфигурации фрагментов лексико-словообразовательных гнезд. Автор акцентирует важность анализа диалектных номинаций с когнитивно значимой семантикой, представляющих лексико-словообразовательные значения, не имеющие однословного выражения в литературном языке.

Ключевые слова: наименования лица, русские народные говоры, фрагменты лексико-словообразовательных гнезд, производные единицы, когнитивно значимая семантика.

The article examines dialectal nominations denoting a person by internal and external characteristics within cognitive linguistics framework. On the basis of substantial factual material, the author reveals the most important structural-semantic peculiarities of the derivative units of the given group and draws attention to their role in the organization of various derivational sets, in particular structurally diverse fragments of the families of words. The author emphasizes the importance of analyzing dialectal nominations with cognitive significant semantics that represent lexical word-building meanings that have no one-word expression in the literary language.

Key words: nominations of a person, Russian dialects, fragments of lexical word-building nests, derivative units, cognitively significant semantics.

Языковая личность, как известно, находит свою реализацию, своеобразное отражение в слове. Семантика производного слова объясняется его строением, и, по мнению дериватологов, именно наличие внутренней формы у производного слова есть путь к пониманию бытия человека в современном мире, его способностей

к категоризации этого мира. С позиций ономазиологии, когнитивной лингвистики любое производное слово заслуживает внимания как результат своеобразной конденсации материальных и семантических потенций языка. Значение производного слова как определенная конфигурация когнитивно значимых компонентов может оказаться реализованным в любой из его подсистем, будь то литературный язык или диалектная речь, молодежный сленг или интернет-пространство языка.

Диалектные наименования лица, как известно, чрезвычайно разнообразны. Кроме номинаций, характеризующих лицо по степени родства и его профессиональной деятельности, есть много слов, которые содержат информацию о его внешнем облике и личностных качествах. При этом совершенно очевиден прагматический компонент, находящийся в той или иной степени отражение в особенностях диалектных номинаций. Например, никого не удивляет тот факт, что в производных (и непроизводных) словах могут актуализироваться такие признаки внешности, такие как невысокий рост, излишняя полнота или худоба, т. е. то, что отклоняется от норм и, следовательно, бросается в глаза.

Наименования лица по внутренним и внешним характеристикам представляют собой чрезвычайно обширную и многовекторную систему частных лексико-словообразовательных значений. Сюда можно отнести лексемы, которые характеризуют лицо по месту жительства, по социальному статусу, по его отношению к пагубным пристрастиям, а также выражающие общую негативную / позитивную оценку. В языке говорів система подобных характеристик и оценок детализируется в значительной степени, что позволяет получить очень интересный материал при сопоставлении с системой русского литературного языка. Собственно словообразовательные средства выражения различных групп наименований лица позволяют выявить целый комплекс когнитивно значимой семантики, не получившей однословного выражения либо в системе литературного языка, либо в деривации языка близкородственного [2]. Это, естественно, не исключает сопоставления и выявления различий по целому ряду хорошо известных параметров (активность / пассивность словообразовательные модели, соотношение способов словообразования, вариантность и морфологические явления и т. д.), и, что более важно, выявления всего комплекса знаний, который можно было бы охарактеризовать, как «русская народная культура в зеркале словообразования».

Среди диалектных наименований лица особый интерес представляют единицы, представляющие когнитивно значимые

значения, т. е. актуальные для языковой картины мира говора и порой не имеющие однословного соответствия в системе литературного языка [3]. Значительное число слов представляют наименования лица, характеризующие социальный статус лица, чрезвычайно интересный и в культурно-историческом плане. Ср., например, наименования лиц по вероисповеданию и религиозным особенностям: *покрестень* ‘человек, принявший другую христианскую веру’. Костром., Тамб., 1852; *покрещеванец* ‘человек, перешедший в христианство из другой религии’. Нижегород., Даль. В русском литературном языке нет однословных номинаций, которые бы выражали сходные значения. Ср. также: *поморяне* ‘раскольники – сторонники беспоповщины, входившие в поморскую (даниловскую) секту’. Вит., Слов. карт. ИРЯЗ. Отмечены слова подобного типа и в белорусских говорах: *расцяляшаны* ‘неаккуратно одетый’, *пячкур* ‘человек, который любит лежать на печи’, *пячурніца* ‘девушка-домоседка’ [8, с. 395].

В большинстве случаев структура когнитивно значимых производных единиц понятна благодаря очевидным родственным связям с общеизвестными словами литературного языка. Ср.: *помирник* ‘нищий’. Тобол., 1897. Внутренняя форма данного слова вполне очевидна благодаря хорошо известному выражению *ходить по миру* ‘просить подаяние’. *Нахран* ‘человек, который любит поспать; соня’. Старорус. Новг., 1855. 2. *Нахран* ‘беззастенчивый, бесстыдный человек; наглец, нахал’. Кашин. Твер., 1820. Сев.-Двин. *Он такой нахран*. Дон. *Нахранник* ‘человек, который сильно храпит; храпун’. Ветл. Костром., Марков. *Полазушник* ‘человек, который везде лазит, берет что-л. без разрешения’. Нижегород., 1840. Горыс. *Какие полазушники дети! Лазают, куда не надо!* Р. Урал. *Нашмура* ‘о том, кто часто хмурится’. Арх., 1858. В последнем примере можно наблюдать искажение слова *нахмура* (связь с глаголом *хмуриться* очевидна). Причем, как и следовало ожидать, в говорах есть и слово *нахмура* с очень интересным набором значений: *нахмура* 1. ‘хмурая, пасмурная погода’. Пск., Осташк., Твер., 1855. 2. ‘шляпка [низко надвигаемая на лоб?]’. Никол., Тотем. Волог. 3. ‘хмурый, угрюмый человек’. Переясл. Влад., 1848. Нижегород., Вост., Перм., *Ишь ты, нахмура! Даже не улыбнется!* Хакасс. Краснояр. *Нахмурка* [удар.?] ‘шляпа, шляпка [низко надвигаемая на лоб?]’. Кирилл. Новг., Иванов, 1897 [6, т. 20, с. 266].

Отдельную группу представляют наименования лица, словообразовательная структура которых становится полностью проясненной благодаря наличию толкований к иным родственным диалектным словам. Ср.: *полесовать* ‘рвать на части, полосовать’. 2. *Полесовик* ‘человек, который быстро изнашивает, рвет одежду’. Пск.,

Осташк. Твер., 1855. Обращают внимание на себя как отдельные единицы, так и целые группы слов, имеющих общий корневой элемент. Ср.: *разумница* 1. 'грамотная женщина'. 2. 'словоохотливая женщина'. Нерехт Костром, 1853. *Разумничать* 'умничать, считать себя умнее всех, считаться только со своим мнением'. Даль. *Разумничаться* 'разговориться, излагая собственное мнение и критикуя других'. Даль [6, т. 34, с. 73].

Существенно наличие целых фрагментов диалектных гнезд для понимания морфемной и словообразовательной структуры наименований лица, одним словом (в отличие от системы ЛЯ) представляющих внутренние и внешние характеристики лица. Ср.: *насувора* 'человек с хмурым, пасмурным лицом'. Новоск. Курск., 1852. *Насуворивать* 'идти куда-либо с сосредоточенным, озабоченным выражением лица'. *Насуворить* 1. 'придать лицу суровое, сосредоточенное выражение'. 2. 'насупить (брови)'. Йонав. Лит. ССР, 1963. 3. 'накрасить (брови, щеки)'. *Насуворила брови, и не стыдно!* Йыгев., Тарт. ЭССР, 1963. *Насувориться* 1. 'придать лицу суровое выражение; насупиться, нахмуриться'. Осташк. Твер., 1855. 2. 'стать пасмурным, нахмуриться (о погоде)'. *Надо скорей отаву скосить: погода насуворится*. Красногор. Брян., 1969. *Рассулай* 'медленно пьющий, неловкий человек'. Осташк. Калинин., 1946. *Рассусливать* 'медлить, делать что-л. долго, канителиться'. *Чего он дома рассусливает?* Кемер., 1976. *Растрюкалка* 'тот, кто сердится, дуется'. Нижегород., 1840. *Растрюкать*. Растрюкать губы: а) 'распустить губы (при плаче)': *Что ты растрюкал губы, или ты чем недоволен. Брось плакать!* Тереньг. Ульянов., 1971; б) 'рассердиться, надуться'. Нижегород., 1840. *Растрюкаться* 'рассердиться, надуться'. Нижегород., 1840 [6, т. 34, с. 278].

Несложно заметить, что приведенным диалектным номинациям лица в русском литературном языке обычно соответствуют либо словосочетания (*сердитый человек*), либо развернутые дефиниции (*человек с хмурым, пасмурным лицом*).

В целом ряде случаев словообразовательная структура наименования лица понятна не только по причине наличия группы родственных диалектных слов – целого деривационного фрагмента, но и благодаря хорошо известному мотивирующему слову. Ср.: *покалюка* 1. 'калека, человек с покалеченной рукой; урод'. 2. 'неопытный, неумелый в работе человек'. Ср. Урал, 1963. || неловкий человек. Свердлов., 1983 [6, т. 28, с. 367].

Отдельную группу представляют наименования лица с неясной морфемной структурой либо очевидные заимствования. Ср.: *Накрёна*

‘тот, кто много ест, обжора’. Пск., Осташк. Твер., 1855. *Настегай* ‘обжора’. Пск., Осташк. Твер., 1855. *Расшарага* ‘кривоногий человек’. Уржум Вят., 1882. *Размазёня* ‘о человеке с протяжным и неприятным выговором’. Вят., 1907. Можно отметить в чем-то аналогичные примеры и в белорусских говорах: *куксан* ‘человек без пальцев на руке’, *латрага* ‘лентяй’, *мінджа* ‘молчаливый человек’ [8, с. 259].

Заслуживают внимания и достаточно специфичные в словообразовательном и грамматическом плане диалектные модели наименований лица по характерному признаку или свойству. Так, достаточно неожиданное развитие получает модель с «отрицательным» префиксом *не-*. Ср.: *небаламут* 1. ‘человек со спокойным, уравновешенным характером’. Черномор., Россиев. Слов. Акад. 1931 [с пометой «обл.».]. 2. ‘справедливый, честный человек’. Пошех. Яросл., 1849. *Небаюн* ‘молчаливый, неразговорчивый человек, молчун’. Ветл. Костром., 1963: *Он всегда такой небаюн был – все молчит*. Каргоп. Арх. *Небритка* и *небритька* ‘давно не бритый, обросший волосами человек; неряха, грязнуля’. Влад., 1910. Слов. Акад. 1932 [с пометой «обл.».]. *Невдалюга* (*невдалюка*) ‘неловкий, неумелый в работе человек’: *Невдалюга он какой-то*. Ворон., Яковлев. Тамб., Новорж. Пск., Слов. Акад. 1927 [с пометой «обл.».]. *Невеличка* ‘человек невысокого роста’. Шуйск. Влад., 1920-1924 [6, т. 20, с. 331]. Ср. также в белорусских говорах: *невагомы* ‘легкий’, *няслоўны* ‘не держит слово (обещание)’, *няўкормак* – ‘человек с плохим аппетитом’ [8, с. 311].

Большую и очень интересную группу наименований лица представляют словосложения. Например: *мутехвост* ‘сплетник’. Арх., 1857. *Мутехвостка* ‘женск. к *мутехвост*’. Арх., 1857. *Мутехвостничать* ‘сплетничая, вызывать ссору между кем-либо’. Арх., 1878. Добавим сюда синонимичное *нахвостка* ‘сплетница’. Пск., Осташк. Твер., 1885. В некоторых случаях, как несложно увидеть, внутренняя форма диалектного слова становится понятной благодаря фразеологии (ср.: «мутить воду», «сорока принесла на хвосте» и т. д.) [4]. Как известно, немало диалектных наименований лица – словосложений и в белорусских говорах: *макраслёзы* ‘обидчивый’, *лажаед* ‘человек, который любит поспать’, *галадамер*, *галадамір* ‘человек, жадный к еде’, *кляпаносы* ‘с приплюснутым носом’ [8, с. 214].

Хорошо известно, что в говорах отдельную группу наименований представляют производные, характеризующие лиц с некоторыми физическими недостатками. Ср.: *полусветок* ‘одноглазый человек’. Нижегород., Даль. *Полусветый* ‘слепой на один глаз’: *Лечили его, а все равно полусветый остался*. Рубц. Алт., 1961. Существенно, что общая мотивация объединяет целый фрагмент лексико-словообразовательного

гнезда. Ср.: *полусвет* 1. ‘плохое зрение’. Волог., Даль, *С полусветом кто-либо. Плохо видящий человек*. Сольвыч. Волог., 1822. 2. ‘одноглазый человек’. Наурская. Терек., 1907. *Полусветье, ср.* 1. ‘плохое зрение’. Влад., Даль, 2. ‘одноглазый человек’. Сольвыч. Волог., 1833-1842. Волог. *Разноплётый* ‘страдающий косолапостью, косолапый’. Грязов, Волог, 1898. *Разнозадый* ‘имеющий увеличенный кадык’: *За Байкалом люди зобатые именуются иноходцы, раскодары, карявые, разнозадые*. Забайкалье, Кеппен.

Как известно, именно в говорах можно обнаружить немало производных единиц, при образовании которых проявляется большая, нежели в литературном языке, «морфонологическая свобода» варьирования производящих. Существенно, что, в отличие от слов, словообразовательно изолированных в системе литературного языка [5], вариантностью могут характеризоваться наименования лица с когнитивно значимой семантикой, в том числе номинации, представляющие такие внутренние характеристики, особенности поведения, которые обычно не номинируются в производных литературного языка. Ср., в производных со значением ‘старая дева’: *вековейка* (заурал., моск.), *вековня* (тул.), *вековуха* (ряз., курск., перм.), *вековуша* (яросл., калуж., барнаул.), *вековушка* (волог., курск., перм.). *Вередовка, вередуха* (арх.) ‘девушка, выбирающая себе лучшую подругу’. *Верховчанин* (ленингр.), *верховщик* (волж., Даль) ‘житель местности, расположенной в верховьях реки’. В производных со значением ‘тот, кто из праздного любопытства засматривается на что-л., празднично шатается где-либо; зевака’: *глазевон, глазевонь* (новг.), *глазник* (пск.), *глазопеля* (перм.), *глазопучка* (сиб., Даль), *глазопучник* (олон.), *глазопял* (влад.), *глазун* (костром., нижегор., Даль). В производных со значением ‘женщина, носящая короткое платье, не прикрывающее голени’: *голендаиха* (свердл.), *голендайка* (перм., урал.), *голендуха* (костром., перм., вят.). *Разливоня, разливоха* (пск., твер.) ‘человек, который не может пронести что-либо жидкое, не разлив’ [1, с. 266].

Отдельные внешние и внутренние характеристики наименований лица в силу вполне объяснимых причин в диалектной лексике представлены чрезвычайно многообразно и детализированно. Например: *спальщик* 2. ‘жених, избранный без согласия родителей’: *Отвори, мама, ворота – Я с гуляница иду; Стели мягкую постелю: Себе спальщика веду (частушка)*. Пск. Пск., 1896. *Порва* ‘тот, кто небрежно носит одежду, рвет ее’ || *оборванец, человек в поношенной рваной одежде*. Осташк., Твер., Пск., 1855. *Посильщик* ‘соперник, не уступающий в силе’: *Ты что это, волчья пасть, потыкаешься, не по мне ли посильщика чуешь*. Кирил., Новг., Соколовы [6, т. 30, с. 162].

Особого внимания заслуживают не зафиксированные (по вполне понятным причинам) лексикографией современного русского литературного языка [7] и характерные только для говоров лексико-словообразовательные значения, как единичные, так и представленные группами производных слов. Они могут быть изолированными номинациями, а также образовывать небольшие фрагменты гнезд (словообразовательные пары и более сложные по конфигурации объединения). Например: *расстега* 1. 'человек, который ходит в незастегнутой одежде, нараспашку'. Пск., Осташк., Твер., 1858. *Расторопа* 'робкий, стеснительный, легко теряющийся человек': *Он такой расторопа, отказаться не может, как красная девка, робовит.* Смол, 1914. *Сосулечник* 'о человеке, любящем сосать ледяные сосульки'. Даль. *Сосулечница* 'женск. к *сосулечник*'. Даль [6, т. 40, с. 67].

Широко представлены диалектные наименования лица, реализующие известную оппозицию «лицо мужское / лицо женское». Ср.: *нарядник* 'о нарядно одетом человеке'. Южн. р-ны Горьк., 1969. *Нарядница* 'нарядно одетая женщина'. Хакас. Краснояр., 1969: *Нарядница она, хорошо снаряжается.* Нижне-Турин. Свердлов. Урал., 1976. *Наряднуха* 'щеголиха'. Пинеж. Арх., 1959-1961. *Наря'душа, м. и ж.* 'нарядно одетый человек': *Какая ты сегодня нарядуша.* Арх. [6, т. 20, с. 145]. В приведенных примерах можно обратить внимание на вариантность суффиксов, представляющих данное значение, а также на наличие слова общего рода для обозначения нарядно одетого человека.

На наш взгляд, существенно, что при многообразии членов словообразовательного гнезда в литературном языке в русских и белорусских говорах обнаруживается немало единиц, являющихся примерами «расширения» когнитивного пространства языка. Анализ наименований лица в составе различных формально-смысловых объединений родственных слов позволяет обратить внимание на совершенно очевидные случаи семантических и словообразовательных лакун, которые необходимо принимать во внимание в теории и практике современной словообразовательной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинникова, О.М. Словарь словообразовательных синонимов русской народной речи / О.М. Литвинникова, М.А. Алексеенко, Л.И. Головина. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2008. – 306 с.
2. Никитевич, А.В. Деривация и смысл / А.В. Никитевич. – Гродно: Гроднен. гос. ун-т, 2014. – 233 с.
3. Никитевич, А.В. Когнитивные лакуны и диалектное словообразование / А.В. Никитевич // *Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich.* – Kraków, 2016. – С. 301–309.

4. Никитевич, А.В. Фразеология и внутренняя форма производного слова / А.В. Никитевич // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей; редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – С. 93–96.
5. Сергей, К.И. Словообразовательно изолированные слова в русских народных говорах и современном русском языке / К.И. Сергей // Классика и современность в изящной словесности XIX – XXI столетий, Брест: БрГУ, 2016. – С. 195–200.
6. Словарь русских народных говоров: 1965–2013. – М.-СПб: Изд-во Академии наук СССР, Ин-т лингв. исследований РАН. – Вып. 1–46.
7. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. – Т. 1–17.
8. Сцяшквіч, Т.Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці / Т.Ф. Сцяшквіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧИСЛА,
ВЫРАЖЕННОГО ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ «ЧЕТЫРЕ»,
В НАРОДНЫХ СКАЗКАХ**

**UNIVERSAL AND NATIONAL-SPECIFIC FEATURES
OF FUNCTIONING OF A NUMBER EXPRESSED
BY A NUMERAL “FOUR” IN FOLK TALES**

М. В. Старюк

M. V. Staryuk

Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
e-mail: madgica@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования числа, выраженного числительным «четыре», в народных английских, немецких, белорусских и русских сказках. Выявлены универсальные и национально-специфические черты употребления числительного «четыре», используемого в текстах народных сказок с определенными коннотациями, которые характерны национальному менталитету того или иного народа в результате разнообразия культурных традиций, быта и истории.

Ключевые слова: культура, менталитет, народная сказка, число, числительное.

The peculiarities of the number expressed by the numeral “four” in English, German, Belarusian and Russian folk tales are studied. Universal and national-specific features of the numeral “four” usage are identified in texts of folk tales